

№ 241 33 (1)

КАРТИКИ

РУССКИХЪ ПРАВОВЪ.

КНИЖКА I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

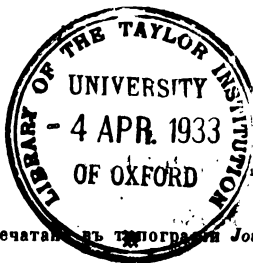
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 10-го Апрѣля 1842 года

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

Печатанъ въ типографіи *Journal de St.-Petersbourg*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(ОТЪ ИЗДАНІЯ).

Я не книга! Литераторы не ломали головы, чтобъ составить меня, книгопродавцы не издерживались на мое изданіе, слѣдовательно я — *не книга*. Что же я? Изданіе *художественное*, предпринятое артистами для *опыта*, могутъ ли у насъ существовать иллюстрированныя изданія, и для *доказательства*, что и у насъ можно иллюстрировать (т. е. предлагать къ книгѣ политипажки), хорошо и *дешево!* Сравните это изданіе съ Парижскими книжечками въ этомъ же родѣ, выходящими въ свѣтъ

подъ заглавіемъ *физиологій* (т. е. очерковъ нравовъ) разныхъ лицъ, и вы удостовѣритесь, что Петербургское изданіе не только не уступаетъ Парижскимъ, но во многомъ ихъ превосходитъ. Слишкомъ сто картинокъ, отлично оттиснутыхъ на сатинированной веленовой бумагѣ — «за одинъ рубль серебромъ.» Дешевле этого невозможно имѣть въ цѣломъ мірѣ!

Но какъ же вы не называетесь книжюю, спросятъ у этого изданія, когда у васъ есть печатный текстъ? Правда, есть тутъ статьи, но онѣ здѣсь служатъ *полямъ*, на которомъ помѣщена миниатюрная картинная галерея. Статьи эти были уже нѣсколько разъ напечатаны, переведе-

ны на чужеземные языки, прочтены *многими тысячами* и обруганы *несколькими* противниками, словомъ тутъ все совершилось въ надлежащемъ беспорядкѣ (*alles in gehöriger Confusion*), какъ водится въ литературѣ и журналистикѣ — которыхъ чуждается это *артистическое изданіе!* — Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что нѣкоторые журналы и теперь примутъ эти статьи выстрѣлами со всѣхъ своихъ батарей, и поподчиваютъ калеными ядрами. Но авторъ, человекъ обстрѣленный — привыкъ къ этому, и — въ усъ себѣ не дуется. — А неужели и *картинки* подвергнутся выстрѣламъ, потому только, что появились въ свѣтъ подъ *однимъ флагомъ?* — Изданіе никакъ не

можетъ предполагать, чтобъ на свѣтъ было столько несправедливости, и безопасно ввѣряется добросовѣстности критиковъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, постигаютъ, что если этотъ *опытъ* удастся, то они же сами порадуются, что у насъ можно будетъ издавать книги *дешево и красиво!* Изданіе это надѣется вмѣщать въ себѣ, со временемъ, произведенія *многихъ* Русскихъ правописателей, и уже изготавляетъ *картинки* къ игривому созданію И. П. Мятлева (автора *Сенсацій Курдюковой*): *Петергофскій праздникъ*, въ стихахъ. У артистовъ *золотые* таланты не закопаны въ землѣ, на сохраненіе, и они, въ началѣ своего предпріятія, ничѣмъ не могутъ подѣлиться

съ литераторами, развѣ только любовью своею къ изящному! Если же изданію этому посчастливится, оно съ радостію подѣлится сочными сотами съ литераторами!

И такъ, ступайте въ свѣтъ, *Картинки Русскихъ нравовъ*, и поразвѣдайте хорошенько, любитъ ли наша публика иллюстрированныя, *дешевыя* изданія! Тогда можно будетъ предпринять много хорошаго, и сочетать Русскія Художества съ Русскою Литературою! — Ступайте въ свѣтъ, *Картинки*, не бойтесь критиковъ! На одного *черновзгляднаго* найдется пять добрыхъ, которые васъ утѣшатъ и призрятъ вашу юность!

САЛОШНИЦА,

СОЧИНЕНИЕ

Ө. БУЛГАРИНА.

РИСУНКИ

В. ТИММА.

ГРАВИРОВАННЫЕ НА ДЕРЕВЪ

БАРОНОМЪ О. НЕТТЕЛЪГОРСТОМЪ.

1870

Vrai ou faux, j'aime ce passage de marbre
à l'*humus*, de l'*humus* au règne végétal,
et du règne végétal au règne animal,
à la chair.

D'ALEMBERT.

то бѣдень и кто богатъ? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ понятій каждаго и его образа жизни. Крестьянинъ богатъ, когда имѣетъ въ кубышкѣ тысячу рублей, а баринъ, имѣющій двадцать

пять тысячъ рублей дохода, бѣденъ, когда войдетъ въ кругъ богачей, проживающихъ по нѣскольку сотъ тысячъ рублей въ годъ, и если захочетъ тя нуться за ними. — На этомъ основаніи моралистъ повторить вамъ обветшалое правило: «что богатство и бѣдность суть вещи условныя, и зависятъ единственно отъ размѣренія желаній со средствами къ ихъ удовлетворенію, и отъ подчиненія прихотей разсудку.» — Все это правда, но все это теорія, а не практика. По моему мнѣнію, бѣденъ не тотъ, кто не имѣетъ ни гроша дохода, а тотъ, кто, имѣя способности и трудолюбіе, не имѣетъ работы или не находитъ достойнаго возмездія за свои труды. Богатъ не тотъ, кто имѣетъ капиталы, корабли, земли и замки, ибо фортуна такъ хитра на выдумки, что умѣетъ въ одно мгно-

веніе ока превратять мильіоны въ ну-
ли, отдавъ другому цифру, стоящую
предъ нулями. По моему мнѣнію, на
Земномъ Шарѣ богатъ только — *нищій*.

Да, нищій! Вы думаете, что я хочу

объясняться фигурами, метафорами?
 Нѣтъ. Я говорю вамъ о нищемъ въ
 настоящемъ значеніи сего слова, т. е.
 о человѣкѣ, который проситъ мило-

стыни : на паверти , дериви , да шули

цахъ , у торговыхъ бань или у дверей дома.

не хвастаю глубокими познаніями въ любомудріи, и откровенно признаюсь, что обзрѣвъ всѣ философскія секты и мнѣнія, нахожу, что истинная премудрость заключается въ одномъ Евангеліи. Въ немъ только истинная пища души, а все прочее роскошь ума и воображенія. Прошу замѣтить присемь, что я не врагъ роскоши ни въ какомъ отношеніи, и не гонитель философіи (сохрани меня отъ этого Богъ)! Напротивъ того, я увѣренъ и убѣжденъ, что истинное просвѣщеніе ведетъ къ истинной, чистой Вѣрѣ, а полупросвѣщеніе и невѣжество ведутъ къ за-

блужденіямъ, ко тмѣ, и передаютъ
человѣка въ руки шарлатановъ, кото-
рые дѣлаютъ изъ него, по своей волѣ,
или змѣю, или тигра, или дойную ко-

рову. — Но, обратимся къ моему пред-

мету, къ нищему, т. е. первому богачу на землѣ. Первая потребность человѣка изложена весьма ясно въ ежедневной молитвѣ: ХЛѢБЪ НАШЪ НАСЪЩНЫЙ ДАЖДЪ НАМЪ ДНЕСЬ. Это зна-

чить, что главное въ жизни есть дневное :пропитаніе Прощу покорнѣйше сказать мнѣ, какой доходъ можно на-

звать *сърнымъ*? Вещественный капиталъ, т. е. имѣніе и деньги, и капиталъ невещественный, т. е. умъ и трудъ, требуя непрерывныхъ попеченій и заботъ для извлеченія изъ нихъ доходовъ, весьма часто обманываютъ наши надежды. Проченъ только доходъ *нищаго*, ибо онъ основанъ на величайшей изъ нравственныхъ истинъ, изло-

женной вкратцѣ въ Евангеліи: «толцѣте и отворятса камъ.» — Изъ десяти дверей, въ которыя стучится нищій, вѣрно пять отворятся ему, во

нѣя страдающаго челоуѣчества, и изъ десяти сердець, къ которымъ оно промолвить о своей нуждѣ, и будетъ просить помощи, ради Христа, вѣрно пять сердець отверзятся чувствомъ состраданія. Разумѣется, что за отворенными дверьми и разверзтымъ сердцемъ приходитъ очередь на разверзтіе кармановъ и кошельковъ въ пользу нищаго. Притомъ нищій спокоенъ, ибо,

не имѣя ничего, не страшится потерь, а доходъ его, хотя и не опредѣлительнъ, но *вѣренъ*, во сто кратъ вѣрнѣе

**кораблей, возвращающихся изъ Индіи
и Америки съ колоніальными товарами!**

азбирая это, я долго почиталъ нищаго не только богатѣйшимъ, но даже счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ, потому именно, что онъ не страшится потерь, и не имѣетъ несбыточныхъ желаній, ограничиваясь дневнымъ пропитаніемъ. Но опытъ удостоѣвилъ меня, что, какъ между нищими, такъ и между милліонщиками

счастливъ только тотъ, кто безъ упрёка совѣсти можетъ оглянуться на прошедшее. Послушайте, и вы убѣдитесь во всемъ, что я сказалъ выше.

езумцы и изверги проповѣдовали равенство между людьми, не подумавъ, что и между нищими нѣтъ и не можетъ быть равенства! Между нищими есть своя аристократія, свое среднее состояніе и своя чернь. Аристократію нищихъ составляютъ тѣ двусмысленныя особы, въ фризovýchъ шинеляхъ, засаленныхъ фуражкахъ или изодран-

ныкъ шляпахъ, которыя, подвязавъ
лохмотьями небритое лицо, останавли-

ваютъ прохожихъ на улицахъ, и ти-
химъ голосомъ умоляютъ о помощи

яко бы разстроенному болѣзнью или
напастью бѣдному чиновнику, или куп-
цу. Нѣкоторые изъ этихъ промышлен-
никовъ смѣло звонятъ въ колоколь-

чикъ, входятъ въ переднюю, просятъ

доложить о себѣ, и добравшись до хозяина, просятъ помощи, представляя на видъ засаленные документы. Другіе не являются сами на лице, но посылаютъ съ письмами и документами

мальчиковъ, которыхъ называютъ своими непризрѣнными дѣтками. Женскій

поль сей аристократіи разгуливаетъ обыкновенно въ старыхъ, нѣкогда чернаго цвѣта, а отъ времени превратившагося въ бурый цвѣтъ, салопахъ, въ черныхъ чепцахъ или бѣлыхъ съ черными лентами, во всей вдовьей формѣ. Однѣ изъ нихъ также останавливаются на улицахъ прохожихъ, и тихонискливымъ голосомъ просятъ подавнія для разореннаго и всегда *многочисленнаго* семейства. Другія также ходятъ по домамъ съ свидѣтельствами и документами, которые состояются оставными писцами и подъячимъ. Третьи продаютъ кошельки, манишки и коробочки, купленные ими въ Гостиномъ Дворѣ, выдавая ихъ за свою работу, и просятъ купить, для прокормленія больной дочери и малолѣтнихъ внучатъ. Эти попрошайки называются *салопницами*. Онѣ получили прозваніе

свое отъ одежды, такъ какъ въ пер-
 выя наши войны съ Французами, ки-
 расиры ихъ были прозваны *латника-*
ми, отъ вооруженія. — Между салон-
 ницами есть и молодыя дѣвушки, ко-
 торыхъ старыя практикантки дресси-
 руютъ съ дѣтства къ ремеслу, какъ

пуделей, и обучаютъ испрашивать по-
даянiя именемъ небывалой больной ма-
тери или престарѣлаго отца. — Къ
среднему сословію нищихъ принадле-
жатъ настоящіе калеки, старики, пья-
ницы и празднолюбцы среднихъ лѣтъ,
и въ простаго званiя, притворяющіеся

хворыми и калеками, и собирающіе по-
даяніе яко бы на погорьлыхъ; также
бабы, проведшія цвѣтушія лѣта въ
забвеніи всѣхъ обязанностей, средній

возрасть въ кухаркахъ и придверни-
цахъ у безсмейныхъ щеголихъ, а въ
слѣдствіе того принужденныя прово-
дить старость на улицахъ и въ питей-

ныхъ домахъ. Нищенскую чернь составляютъ оборванные мальчишки и дѣвчонки, которые терзаютъ прогуливающихся по тротуарамъ своимъ визгомъ, дергаютъ ихъ за полы, бѣ-

гутъ съ версту съ пскомъ за молчаливымъ 'прохожимъ, крадутъ платки изъ кармановъ и покупки изъ саней, и дерутся между собою за орѣхи и

пряники. Нищіе обоого пола и всякаго возраста, храбро и бодро дѣйствующіе на улицахъ въ виду знатнѣйшихъ чиновниковъ, прячутся въ воро-

та или бѣгутъ въ сторону, завидѣвъ издали шляпу полицейскаго чиновника или фуражку городского, подобно стаѣ хищныхъ воробьевъ, разлетающихся изъ гороха при появленіи охотника съ

ружьемъ, чуя порохъ. Видя, съ какою быстротою разбѣгаются нищіе, когда блюститель благочинія покажется на улицахъ, я не разъ думалъ: вотъ Русская пословица въ превратномъ смыслѣ: здѣсь не на ловца звѣрь бѣжитъ, а отъ ловца! — Разборъ жизни и наблюденіе уловокъ нищихъ всѣхъ рядовъ представили бы, хотя не привлекательное, но поучительное для челоуѣчества зрѣлище. Это родъ операціи въ больномъ членѣ гражданственнаго тѣла. Оставляю, на сей разъ, въ покоѣ всѣхъ другихъ сочленовъ нищенства, и, по законамъ вѣжливости, отдаю предпочтеніе дамамъ. *Place aux dames, messieurs!*

а нѣсколько лѣтъ
 предъ симъ, прогу-
 ливаясь подъ арка-
 ми Гостиного Дво-
 ра, встрѣтилъ я
 друга моего, и за-
 мѣтилъ на лицѣ его
 какое-то безпокойство. «Что съ тобой
 сдѣлалось?» спросилъ я. — «Ахъ,
 любезнѣйшій! я разстроены и растро-

ганъ! Вообрази себѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, возлѣ воротъ, женщина уже пожилая, въ черномъ изношенномъ салопѣ, останавливаетъ меня и проситъ, ради Христа, купить у нее кошелекъ работы ея дочери, ле-

жащей теперь на смертномъ одрѣ безъ пищи и лекарства. Кошелекъ стоилъ гривенъ восемь, но я далъ ей пять рублей, для помощи страждущей. Женщина, схвативъ пять рублей, задрожала, устремила глаза къ небу, и подбѣжавъ къ образу, бросилась на ко-

лѣни и зарыдала. Сердце мое облилось кровью — я прибавилъ къ пяти рублямъ еще двадцать пять, и бѣгу отъ этой сцены, которая навела на меня грусть и тоску» — «Постой, любезный другъ,» возразилъ я: «ты удовлетворилъ потребности твоего добраго сердца, но надобно исполнить долгъ челоуѣчества. Пойдемъ въ домъ, гдѣ живетъ эта женщина; посмотримъ, что ей нужно, и положимъ ей ежемѣсячный пенсіонъ изъ трудовой нашей копѣйки.» — Другъ мой пожалъ мнѣ руку, и мы догнали старуху, которая рысцой бѣжала по улицѣ, припрыгивала и частенько поглядывала на ассигнаціи. «Послушай, матушка!» сказалъ я: «мы хотимъ помочь тебѣ.» — «Ахъ, благодѣтели, отцы родные! вѣчно буду Бога молить!» — «Много ли у тебя дѣтей?» — «Одна взрослая

дочь и трое малолѣтнихъ, отцы родные! Мы съ дочерью добывали кое-какъ скудный кусокъ хлѣба работою, да вишь дочь-то захворала, а я одна не смогу, такъ вотъ и пришлось умирать съ голоду!» — «Утѣшься, матуш-

ка! Богъ милостивъ, и въ Россіи съ голоду не умираютъ. Мы пойдёмъ съ тобой, увидимъ твое житье-бытье, а потомъ дадимъ тебѣ содержаніе, а дѣтокъ призрёмъ...» Выказавъ это, я отступилъ нѣсколько шаговъ, чтобы избѣгнуть живаго изъясненія благодарности, какъ я предполагалъ, судя по происшедшему съ моимъ другомъ.

Но старуха изумилась, остановилась, смѣшалась и стала заикаться. «Ахъ, батюшки! Куда вамъ, такимъ господамъ, итти со мной! Я живу далеко, далеко! Да притомъ же мнѣ должно сходить теперь за дѣломъ въ Коломню.....» Я тотчасъ понялъ промышленницу! «Дѣло ты исправишь послѣ, а теперь пойдѣмъ къ тебѣ. Мы поможемъ тебя, и не боимся дальняго пути.» Старуха ничего не отвѣчала, шла впе-

реди и безпрестанно поглядывала съ безпокойствомъ на всѣ стороны. Наконецъ, поровнявшись съ однимъ домомъ въ Гороховой Улицѣ, она попросила насъ подождать, и вошла въ ворота. Прошла четверть часа — нѣтъ старухи! Я вошелъ во дворъ, и увидѣлъ, что онъ сквозной! Старуха отретировалась! — Посмѣявшись нашей простотѣ, мы разстались съ другомъ, и я, нища аппетита въ движеніи, пошелъ куда глаза глядятъ, и очутился въ Ямской.

чувшишь, такъ сказать, отъ размышленій, я увидѣлъ нѣсколько старухъ въ черныхъ изношенныхъ салопахъ, разговаривающихъ громко передъ дверьми штейнаго дома. Всмотриваюсь, и узнаю между ними ту

самую, которая растрепала моего дру-

га, выманила у него тридцать рублей, и бѣжала отъ насъ. Она стояла ко мнѣ бокомъ. Я тихонько прокрался въ ворота сосѣдняго дома, и сталъ прислушиваться къ ихъ разговору.

у ужъ набѣгалась я сегодня за моими пенсіонами,»

сказала одна. «Плательщицъ моихъ

какъ будто чортъ порастаскалъ по
всѣмъ частямъ города!» — «Ужъ и
миѣ эти пенсіоны надоѣдаютъ.» воз-
разила наша старуха. «Таскайся да
кланяйся лакеямъ, пока доложатъ ба-
рынѣ! А что, не слыхали ли, есть ли
больные изъ богатыхъ Русскихъ куп-

цевъ?» — «Завтра трое похоронъ, а про больныхъ не слышно.» — «А какія похороны?» — «Однѣ господскія,

однѣ чиновничьи, однѣ купеческія.» — «Моя очередь на купеческія,» сказала *наша* старуха. «Нѣтъ, голубушка, ты ступай на чиновничьи!» — «Спасибо, мать моя! А можетъ быть, и чиновникъ-то изъ Нѣмцевъ? Я пойду на господскія.» — «Нельзя тебѣ, голубушка,» примолвила одна пискунья: «вѣдь на очереди Маланьинъ десятокъ, да къ тому жъ ты размѣняла сегодня

бѣленькую, а мы прожились.» — «Да, теперь скоро проживешься! Съ Невскаго Проспекта гонять, вохоронъ мало, посты далеко, а съ тѣхъ поръ, какъ эта дурища Аксинья дала поймасть себя въ кражѣ, въ *магазеи* не

пускаютъ, такъ промыселъ идетъ плохо. Я прижму къ Малавину десятку, и не хочу никого слушать!» — «Вишь какая, не хочетъ слушать! Заупрямишься, такъ сгонимъ со стоянки. Вѣдь ты ужъ третье утро очередная на Гостиномъ Дворѣ, такъ вѣрно понабила карманъ порядочно, а еще другимъ завидуешь. Экая ненасытная,

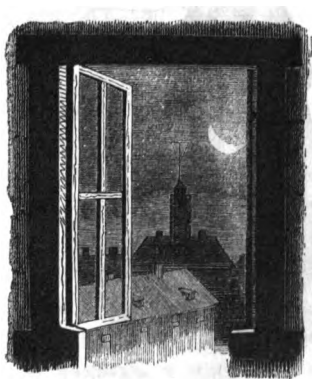
прости Господи!» — «Вы всему за-
видуете, а не я!» отвѣчала наша ста-
руха. «Вѣдь ты знаешь, что я поте-
ряла мои аттестаты, такъ теперь мнѣ
нельзя ходить по трактирамъ къ при-
ѣзжимъ, а вѣдь тутъ лучшая и вѣр-
ная добыча.» — «Потеряла аттеста-
ты — ну, что за бѣда! Купи у меня!
У меня есть лишній. Я продамъ за
пять рублей.» — «А печати есть?»
— «Три.» — «Дамъ два съ полтиной.»
— «Мнѣ самой стоитъ четыре рубля.»
— «Ну, давай, вотъ тебѣ пять руб-
лей.» — «Со мной нѣтъ, а отдамъ
дома»... Въ это время подошла къ
толпѣ новая салопница, напѣвая: Какъ
у нашихъ у воротъ. «Что вы тутъ
толкуете пустое!» сказала она: «а я
съ славныхъ похоронъ! Чудесный по-
койникъ, давай Богъ больше такихъ!
Накормили, напоили и обдарили. Пой-

демъ-ка, я васъ поподчиваю!» — Всѣ.

бабы затаюли : « Какъ у нашихъ у воротъ, » и скрылись въ дверяхъ питейнаго дома. — Я посмѣялся и пошелъ домой , въ первый разъ сожалѣя о

деньгахъ , которыя выманили у меня салопницы, на улицахъ и по домамъ.

рошелъ мѣ-
сяцъ. Въ од-
но утра я про-
вожалъ до мо-
ей передней почтеннаго старика , ко-
торый пришелъ навѣстить меня. Вдругъ
завзвенѣлъ колокольчикъ. Лакей отперъ
двери — и явилась *наша* старуха, про-

снть **подаянія**, для *умирающей дче-*
ри. Она не узнала меня, но я при-
 помнилъ ей наше знакомство. Она хо-
 тѣла бѣжать, но взглянувъ на моего
 гостя, перемѣнилась въ лицѣ и оста-
 новилась, какъ вкопаная. «А, ты еще
 здравствуешь, Акулина Власьевна!»

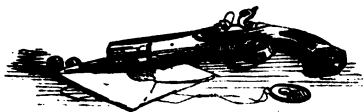
сказалъ мой гость, и обращаясь ко мнѣ, примолвилъ: «За тридцать пять лѣтъ предъ симъ, эта женщина ѣздила въ каретѣ, одѣвалась какъ куколка, имѣла брилліанты и шали, въ театрѣ являлась не иначе, какъ въ бе-

нефисы, въ ложѣ 1-го яруса и жила

въ богатоубранныхъ комнатахъ. Своими прихотями она разорила богатаго купца, который застрѣлился отъ

отчаянiя, и разстроила семейство моего двоюроднаго брата. Но вотъ слѣдствiе порока и разврата! Этотъ бурый салонъ, ливрея нищеты, есть изображенiе жизни и характера несчастной. Такъ увяла ея красота, въ такой цѣнѣ ея душа, не знавшая чистыхъ

радостей. Жена бѣднаго поденщика,

окруженная дѣтми и внуками, возбуждаетъ уваженіе къ себѣ, и есть то же въ сравненіи съ щеголихами, которые роскошью думаютъ прикрыть

развратъ, что опрятная душегрѣйка

въ сравненіи съ этимъ грязнымъ са-
лопомъ».... Старуха поблѣднѣла, гу-
бы ея тряслись; казалось, будто вос-
поминаніе прошедшаго возбудило въ
ней ужасъ. Она забылась, хотѣла что-
то сказать, и въ разсѣяніи произнесла

обыкновенную свою формулу: «ба-
тюшки, помогите!»... Сцена эта про-

извела во мнѣ непріятное впечатлѣніе,
и я увлекъ гостя обратно въ комна-
ты, а старуха опрометью бросилась
изъ передней на лѣстницу.

резъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія, я опять встрѣтилъ, и уже въ послѣдній разъ, знакомую салонницу, въ честной компаніи, провожаемой четырьмя полицейскими

служителями. Конецъ достойный начала!

рiатель мой, старичокъ, разска- залъ мнѣ исторiю этой салопницы, и съ тѣхъ поръ каждый бурый салопъ кажется мнѣ избитымъ переплетомъ романа, занимательнаго и по-

учительнаго, но въ подробностяхъ про-
тивнаго литературнымъ и свѣтскимъ

прилчїямъ, а потому и остающагося
въ *рукописи*.

